

От политики падения к стратегии роста

Эпштейн Давид Беркович

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФБГНУ СЗ НИЭСХ РАН
epsteindb@gmail.com

Ключевые слова: Россия, экономический кризис, причины кризиса, экономическая стратегия, стратегия экономического роста, направления инвестиций

Keywords: Russia, economic crisis, causes of crisis, economic strategy, economic growth, investment

Обратимся к данным официальной статистики, позволяющим оценить, достигла ли в 2016 году российская экономика «дна кризиса», и если достигла, то имеет ли место заметный плюс в объемах и стоимости производства, в каких отраслях это проявляется. Мы используем в данном случае наиболее свежие на момент подготовки работы данные публикации Роскомстата «Информация о социально-экономическом положении России. Январь–декабрь 2016 года».

ВВП за январь–сентябрь 2016 года был на 0,7 % меньше, чем в январе–сентябре 2015 года¹⁾, а индекс промышленного производства составил в 2016 году 101,1 % к уровню 2015 года.

Обратимся к более детальным данным. Инвестиции в основной капитал (имеются данные только за три квартала) на 2,7 % ниже, чем в 2015 году, а именно этот показатель закладывает реальные возможности будущего роста. Розничный товарооборот также продолжал снижаться — он в 2016 году был на 5,2 % меньше, чем за 2015 год.

Явный плюс показывает сельское хозяйство: 4,8 % прироста, но это в немалой степени определяется очень благоприятными погодными условиями этого года. Правда, сельское хозяйство

растет последние годы на 1,5–2,5 % ежегодно, и мы далее остановимся подробнее на причинах этого роста.

Если обратиться к другим основным отраслям народного хозяйства, то рост имел место в добыче полезных ископаемых порядка 2,5 %. Это означает, что мы снова начинаем наращивать их экспорт. Обрабатывающие же производства, то есть основа экономической, индустриальной мощи страны, показывают прирост на уровне 0,1 %, то есть менее статистической погрешности. Эта цифра, возможно, определяется тем, что правительству очень хочется поскорее увидеть плюсовые, а не минусовые значения темпов роста, и статистика приходит ему на помощь.

Приведем соответствующие показатели в разрезе отраслей (табл. 1).

Очевидно, что, хотя есть отрасли, показывающие заметный прирост (например, текстильная, производство кожи, изделий из кожи и обуви, пищевая промышленность, производство машин и оборудования, химическая промышленность), но ряд отраслей демонстрируют падение, причем не только в декабре 2016 г. к аналогичному периоду 2015 года, но и в декабре 2016 года к ноябрю этого же года.

Так что в целом вывод однозначен — падение производства замедлилось, но явных признаков остановки падения и суммарного перехода к ро-

¹⁾ Более полных данных статистика в феврале 2017 года еще не дала.

Таблица 1

Индексы производства по основным видам обрабатывающих производств в России в 2016 г.

	2016 г. в % к 2015 г.	декабрь 2016 г. в % к	
		декабрю 2015 г.	ноябрю 2016 г.
Обрабатывающие производства в целом	100,1	102,6	107,9
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	102,4	105,9	102,9
Текстильное и швейное производство	105,3	108,8	97,0
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	105,1	94,9	97,1
Обработка древесины и производство изделий из дерева	102,8	107,2	107,9
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	100,8	87,5	101,2
Производство кокса и нефтепродуктов	97,6	98,3	105,4
Химическое производство	105,3	114,1	102,8
Производство резиновых и пластмассовых изделий	105,4	100,3	95,0
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	93,4	94,8	93,9
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	97,7	102,0	106,0
Производство машин и оборудования	103,8	109,2	112,9
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	99,0	103,5	108,9
Производство транспортных средств и оборудования	97,0	96,9	124,9
Прочие производства	93,8	99,4	108,5

сту пока не просматривается, несмотря на все пожелания и заклинания.

Более того, падение экономики продолжается, по сути дела, с 2014 года, а падение темпов роста — с 2010 года, то есть 7 лет! Приведем данные по основным социально-экономическим показателям за 2010–2015 годы (табл. 2).

Очевидно, что рост ВВП уже в 2014 году был на уровне 0,6%, близком к погрешности данных. Снижа-

лись также темпы роста промышленной продукции, производительности труда, инвестиций в основной капитал, ввод в действие основных фондов, сальдированный финансовый результат (прибыль), за исключением 2015 года. Снижались и темпы роста реальных доходов населения, ставшие уже в 2014 году отрицательными. Отсюда — снижение темпов роста розничного товарооборота. В 2015 году он упал на 10%.

Таблица 2

Темпы роста (снижения) основных социально-экономических показателей России в 2010–2015 гг. в процентах к предыдущему году

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Численность населения	100,02	100,1	100,2	100,2	100,2	100,2
Валовой внутренний продукт	104,5	104,3	103,4	101,3	100,6	96,3
Промышленное производство	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6
Продукция сельского хозяйства	88,7	123,0	95,2	105,8	103,5	103,0
Среднегодовая численность занятых в экономике	100,1	100,2	100,5	99,9	99,9	99,5
Производительность труда	103,2	103,8	103,0	101,9	100,8	96,8
Инвестиции в основной капитал	106,3	110,8	106,8	100,8	97,3	91,6
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) в экономике (по сопоставимому кругу организаций)	144,1	114,2	110,8	82,7	68,2	153,1
Ввод в действие основных фондов	93,4	129,0	108,7	101,0	97,3	н/д
Объем розничной торговли	106,5	107,1	106,3	103,9	102,7	90
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	96,2	101,1	86,0	92,3	103,9	118,6
Реальные денежные доходы населения	105,4	101,2	105,8	104,8	99,5	95,7
Реальная начисленная заработная плата работников организаций	105,2	102,8	108,4	104,8	101,2	90,5
Реальный размер назначенных пенсий	134,8	101,2	104,9	102,8	100,9	96,2
Индекс потребительских цен (декабрь отчетного года к декабрю предыдущего года), в том числе:	108,8	106,1	106,6	106,5	111,4	112,9
<i>на продовольственные товары</i>	112,9	103,9	107,5	107,3	115,4	114,0
<i>на непродовольственные товары</i>	105,0	106,7	105,2	104,5	108,1	113,7
<i>на услуги</i>	108,1	108,7	107,3	108	110,5	110,2
<i>на жилищно-коммунальные услуги</i>	113,0	111,7	109,4	109,8	109,4	110,1
Внешнеторговый оборот	132,7	130,6	103,5	100,2	93,2	66,3
Экспорт	132,1	131,3	102,3	99,2	95,1	68,4
Импорт	133,6	129,7	105,4	101,7	90,2	63

Окончание таблицы 2

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Справочно: некоторые показатели экспорта						
Цены на нефть сырую, долл./т	546	744	754	734	689	366
Цены на нефтепродукты, долл./т	529	727	750	721	701	393
Цены на газ, долл./тыс. м. куб.	273	343	346	336	317	226
Структура экспорта, в %						
Сырьевые товары и изделия из них, в том числе:	93	92,7	92,3	91,9	91,7	91
<i>продовольственные товары и с/х сырье (кроме текстильного)</i>	2,2	2,6	3,2	3,1	3,8	4,7
<i>минеральные продукты</i>	68,5	71,1	71,3	71,5	70,5	63,8
Машины, оборудование и транспортные средства	5,4	5	5,1	5,5	5,3	7,4
Прочие	1,6	2,3	2,6	2,6	3	1,6

В чем причины такого систематического падения темпов роста и кризисного развития? Назовем те факторы, которые могут быть причинами, если учитывать особенности текущей ситуации и характер российской экономики, и проанализируем, какие из них вправе считаться причинами такого развития.

Очевидно, можно назвать следующие причины: 1) падение цен на нефть, 2) антироссийские санкции, и, прежде всего, недопущение наших предпринимателей к дешевым зарубежным кредитам, 3) ошибочная экономическая и финансовая политика руководства.

Начнем с падения цен на нефть. Как демонстрирует табл. 2, темпы роста стали падать в России с 2010 года, а цены на нефть как раз росли до 2012 года, и в 2013 и даже в 2014 годах они колебались от 90 до 100 долл./баррель, то есть находились на очень высоком уровне. И лишь в 2015 году цены на нефть упали почти вдвое, до среднего уровня 51 долл./баррель. А наш темп роста уже в 2013 году, при высокой цене на нефть, упал до 1,3%, а в 2014

год до микроскопических 0,6% — также при высокой еще цене на нефть. Аналогично обстояли дела и с ценами на газ.

А ведь о том, что становятся все более эффективными новые способы производства энергии, что есть силы и государства, заинтересованные в падении цен на нефть, и она (цена нефти) не будут вечно в несколько раз выше себестоимости ее добычи, кто только ни предупреждал наше правительство. Так что причины нашего падения отнюдь не в низких экспортных ценах нефти или газа. Тем не менее мы видим по структуре экспорта, что сырьевой характер экономики сохраняется, а экспорт машин и оборудования увеличился с 5,4% до 7,5% за 5 лет.

Перейдем к вопросу о санкциях. У них было два направления. Первое — это запрет на продажу в Россию многих видов продукции. Но этот запрет освободил рынок для российских производителей. И рост сельского хозяйства, который наблюдается последние годы, отчасти связан именно с позитивным

воздействием санкций. Конечно, запрет импорта затормозил реализацию тех инвестиционных проектов, которые основывались на использовании импортного оборудования, но и тут появлялась возможность для роста отечественного производства.

Второе направление санкций — это запрет западным банкам на выдачу кредитов российскому бизнесу, а эти кредиты были намного более дешевыми, чем кредиты российских банков: 4–6 % против отечественных 12–15 %. Этот запрет действительно оказал заметное негативное влияние на нашу экономику. Но вспомним, что санкции были введены в конце марта 2014 года, а наши темпы роста уже в 2013 году были очень низкими.

Так что исходные причины не в ценах на нефть и не в санкциях. Основная причина снижения темпов роста и падения производства — это ошибочная экономическая политика, которая проводится с самого начала 2000-х годов (а по сути и с 1992 года) и является во многом продолжением политики ельцинского периода.

Основная ошибка состояла в непонимании экономической роли государства. В частности, уже давно известно в экономической теории и из практики многих стран, что не только бизнес, но и государство должно осуществлять инвестиции, чтобы был устойчивый экономический рост. Особое внимание обоснованию этого положения уделял, как известно, Дж. Кейнс. Именно государство должно вкладывать средства в поддержку отечественной экономики, прежде всего, в развитие инфраструктуры, то есть транспортных сетей, связи, в обеспечение бизнеса электричеством, водой и отоплением, в развитие жилищного строительства и т. п., а также непременно в развитие науки и образования, в поддержку перспективных отраслей и реструктуризации. Именно такая политика является необходимым условием стабильного экономического роста в современном мире, причем

как для развитых стран, так и для стран с развивающейся экономикой²⁾. В основе нового, более современного понимания (по сравнению с 30–40-ми годами прошлого века) стратегии роста лежит усиление экономической взаимосвязи и взаимозависимости всех стран мира, кардинальный рост мировой торговли и межстранового движения капитала, глобализация. В современном мире ни одна страна не может рассчитывать на долговременный рост, если ее правительство не стимулирует и не поддерживает своевременные структурные изменения. Дело в том, что по мере экономического роста увеличивается и заработная плата. Поэтому постепенно в такой растущей экономике становятся все менее конкурентоспособными на мировом рынке отрасли, использующие трудоемкие технологии. Даже если численность населения и внутренний рынок такой страны велики, раньше или позже появятся менее развитые страны с существенно более низкой заработной платой, предлагающие многие виды продукции по более низким ценам, чем обеспечивают внутренние производители. Попытка закрыться от такой конкуренции таможенными барьерами — краткосрочный паллиатив, который лишь затормозит необходимую структурную перестройку. Правильный выход — раз-

²⁾ «Государственные инвестиции в инфраструктуру, в человеческий капитал, в институты, обеспечивающие передачу и распространение информации, в строительство жилья и объекты недвижимости играют решающую роль в развитии, поскольку такие инвестиции увеличивают отдачу в частном секторе... Бесспорно, фискальные и монетарные меры крайне важны, когда имешь дело, с одной стороны, с угрозой дефляции. А с другой — с риском суверенного долга. Но это — не все. Помимо этого необходимы фундаментальные структурные преобразования». Подробно обосновывает эти и иные указанные выше положения М. Спенс, лауреат Нобелевской премии по экономике 2001 года, в книге «Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях». М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 126–127. 334 с.

витие новых технологий, существенно снижающих трудоемкость продукции, а также создание принципиально новых видов продукции и отраслей, где данная страна снова будет длительный период конкурентоспособной. То есть речь идет о создании и внедрении (трансфере) инноваций. И такие процессы реструктуризации должны происходить регулярно. А для этого данная страна должна иметь постоянно воспроизводимые кадры, способные как распространять, так и создавать новые продукты и технологии, соответственно, новые машины и оборудование. А это достижимо только при постоянном повышении уровня и качества образования, а также науки, как прикладной, так и фундаментальной. Это же относится и к необходимости постоянного развития и совершенствования инфраструктуры. Частный бизнес не способен по определению решать эти задачи целиком, лишь участвовать в их решении. Ведущая роль принадлежит в этой сфере государству и государственным инвестициям в нее.

Аналогично — сфера регулирования финансов страны, валютного курса, обеспечения финансовых условий для бизнеса³⁾. Деньги кредитная система должна предоставлять бизнесу на условиях, доступных для него, то есть процент не должен существенно превышать уровень рентабельности. А в предкризисный и кризисный период, когда складывается дефицит денежных средств, должны действовать государственные программы так называемого количественного смягчения, то есть предоставление денег под низкий процент, практически — намного ниже инфляции. И это позволяет предот-

вратить развитие кризиса, сократить период снижения производства или не допустить его, смягчить негативные последствия. Здесь есть, конечно, свои нюансы. В частности, предложение дешевого кредита помогает преодолеть кризисные явления и запустить рост, если не допускается отток этих дешевых денег на валютный рынок и если налицо заинтересованные в развитии бизнеса предприниматели. Иначе они уходят на спекуляции и способствуют инфляции, а рост экономики не наблюдается.

От российской науки исходят аналогичные рекомендации. Конечно, есть нюансы во взглядах и предложениях отдельных экономистов⁴⁾. Есть программа изменения экономической стратегии С. Ю. Глазьева [2]. Есть программа Российской Академии наук [3]. Весьма содержательная статья с конкретными предложениями по социализации российской финансовой системы опубликована В. Т. Рязановым в восьмом номере журнала «Экономист» за 2016 год [4]. Под социализацией автором понимаются такие меры общественного регулирования, которые позволяют повысить регулируемую роль государства в финансовой сфере и существенно повысить отдачу финансов в виде роста производства. Одна из основных идей работы состоит в развитии банковского финансирования инвестиционных проектов не в форме кредита, а под процент от ожидаемой прибыли. То есть банк должен зарабатывать не на проценте, автономно от производства, а на той прибыли, которую принесет производство. Это существенно меняет правила игры в финансовой и экономической сферах.

В целом предложения науки говорят о том, что надо сосредоточить реальные, масштабные усилия и соответствующие финансовые средства на инвестиционных проектах для осуществления новой индустриализации,

³⁾ Ошибки финансового регулирования в наиболее крупных экономиках ведут к затяжным кризисам, причем не только в данной стране, а по всему миру, как показывает, анализируя кризисы XX и XXI веков, П. Кругман, Нобелевский лауреат по экономике 2008 года в книге «Возвращение великой депрессии?». М.: Эксмо, 2009. 336 с.

⁴⁾ Есть, как всегда, и те, кто готов пойти против совести и истины, но «порадеть родному руководству» в надежде, что их не забудут.

на вложениях в инфраструктуру, в образование и здравоохранение, в развитие научных исследований, как фундаментальных, так и прикладных. Государству надо не ждать, когда «мы оттолкнемся от дна», а самому активно «отталкиваться», то есть планомерно вкладывать средства самому и помогать вкладывать их частному бизнесу.

Тем не менее российские экономические органы вели совершенно иную политику. Деньги, вырученные государством от налогов на продажу ресурсов, в недостаточной степени направлялись на развитие экономики и социальной сферы страны, а выводились из нее долгие годы. Они под почти нулевой или даже отрицательный процент вкладывались в облигации правительства США и ряда других стран⁵⁾. Процент за кредит, предоставляемый отечественными банками отечественному бизнесу, все эти годы оставался очень высоким, а Центробанк не ставил своей задачей помощь экономическому развитию. Главной целью он считал формальное снижение инфляции и этого добивался, всячески сдерживая приток денег в экономику. Отсюда и результаты.

Таким образом, причины кризисного развития — не в ценах на нефть и не в санкциях, а в ошибочной экономической политике.

В связи с изложенным можно поставить вопрос, почему же на фоне общего неблагополучия и ошибочной, как сказано выше, экономической политики, сельское хозяйство, о котором

еще не так давно говорили как о страдающей отрасли, растет уже несколько лет подряд по 2–3 % в год? То, что в этом году получен хороший урожай зерна, 119 млн тонн, это верно. Это не самый лучший урожай за всю историю России, как иногда говорят, но очень хороший. В советские годы мы получали и 120, и даже 127 млн тонн.

В 2016 году сахарной свеклы получено на 24 % больше, семян подсолнечника на 15 % больше, картофеля на 8 % меньше, овощей на 1 % больше, чем в прошлом. Производство мяса выросло примерно на 4 %, яиц — на 2 %, а вот молока уменьшилось на 1 %, поголовье коров сократилось на 2 %.

Причины неплохих в целом результатов в сельском хозяйстве частично связаны с тем, что, во-первых, как было отмечено, санкции сократили импорт и расширили тем самым поле деятельности для российских производителей. Но главное не в этом, а в том, что как раз по отношению к сельскому хозяйству экономическая политика правительства была примерно с 2005 года относительно разумной, так как был запущен Приоритетный национальный проект «Развитие АПК на 2006–2007 годы». Далее была разработана, принята и финансировалась Государственная программа развития сельского хозяйства — сначала на 2008–2012 годы, а затем на 2013–2020 гг. Объем ежегодного финансирования из федерального бюджета последние 3 года превышает 200 млрд руб. Для сельскохозяйственных организаций выделялись льготные кредиты даже в 2015–2016 годах, выделялись средства на субсидирование инвестиционных проектов, прежде всего в производстве свиней и мяса птицы. Отсюда и стабильный рост.

Есть и другие отрасли с высоким темпом роста в 2016 году, например сельскохозяйственное машиностроение, показавшее рост 24 %. Но это, к сожалению, несмотря на рост последних лет, подъем от очень низкого уровня. Наша страна выпускает послед-

⁵⁾ Иногда говорят, что благодаря созданным в «тучные годы» валютным резервам страна держится сегодня, несмотря на кризисную ситуацию. Разумеется, некоторые резервы необходимы всегда. Но если бы соответствующие выводимые средства ежегодно вкладывались в реструктуризацию экономики, мы, во-первых, имели бы намного более высокий уровень экономического развития на момент объявления санкций и падения цен на нефть, следовательно, даже при снижении ВВП на те же проценты, уровень жизни и экономической моши был бы намного выше, чем сегодня, а во-вторых, падение было бы меньшим и более кратковременным.

ние годы 7–14 тыс. тракторов в год, а комбайнов зерноуборочных — около 6 тыс. В 1986–1990 годах в РСФСР выпускалось в среднем 246 тыс. тракторов и 81 тыс. комбайнов зерноуборочных, то есть в десятки раз больше, чем сегодня. Рост последних лет связан, во-первых, с программой субсидирования затрат производителям сельхозтехники⁶⁾, а во вторых — с вызванным санкциями удорожанием и сокращением импорта.

Но надо ясно понимать, что нам не любое импортозамещение нужно. А лишь в тех отраслях, где мы имеем шансы стать конкурентоспособными на внутреннем и мировом рынке, а также в тех, которые определяют нашу обороноспособность, например в электронике, в современном станкостроении. Часть отраслей, прежде всего связанных с переработкой экспортных ресурсов, имеет неплохую конкурентоспособность и может расти без нее. В целом же дела и с импортозамещением обстоят не очень хорошо. Если в 2015 году импорт падал намного быстрее, чем экспорт, из-за удорожания доллара, то в 2016 году импорт уже почти не падал, а экспорт продолжал падать и снизился на 20 %.

Обратимся теперь к данным о динамике цен и уровня жизни. В 2016 году цены продолжают быстро расти, доходы населения — снижаются. За январь–декабрь 2016 года индекс потребительских цен вырос на 7,1 %. На первый взгляд, это немного, но если учесть, что зарплаты и доходы растут намного медленнее цен, а пенсии практически совсем не растут, то получается грустная картина. По статистике реальные располагаемые доходы населения снизились за 2016 год на 5,9 %. Этот показатель включает все известные статистике виды доходов — пенсии, стипендии, пособия, зарплаты и даже доходы

от собственности. При этом реальная зарплата уже якобы выросла на 0,6 %. Но тогда вряд ли мы имели бы столь заметное падение розничного товарооборота (на 5,2 %). В 2015 году реальная зарплата сократилась на 9 %, при том что цены выросли, согласно официальной статистике в 2015 году, на 16 %.

За 2016 год рост цен на продовольственные товары составил 5,8 %, но по некоторым группам товаров намного больше: на крупы — 9,4 %, на молочные продукты — 7,9 %, на рыбу и морепродукты — на 9,7 %, на масло подсолнечное — 16 %. На непродовольственные товары — на ткани, одежду и белье, трикотаж, обувь — цены выросли на 9–11 %, а на оплату оплаты жилья в домах государственного и муниципального жилищных фондов и коммунальных услуг — на 9,6 %.

При этом пенсии в 2015 году были проиндексированы на 11 % при росте цен на 16 %, а в 2016 году лишь на 4 % при росте цен 7,5 %. На самом деле для пенсионеров и низкооплачиваемых категорий граждан, которые вынуждены основную часть доходов тратить на еду, в особенности в сельской местности и не в столицах, ситуация выглядит намного хуже, чем рисуют эти сравнительно небольшие проценты. Дело в том, что снижение доходов ведет к росту спроса на более дешевые виды продукции, которые невыгодны для торговли, поэтому их становится все меньше. Рост цен на них опережает средний рост цен.

Но самое печальное, что снижение доходов населения вновь запускает порочный круг: ниже доходы, ниже спрос — значит, будет снижаться производство. Мы, собственно, топчемся в нем практически с 2010 года. За этот период средний рост получается лишь 1,2 %.

Между тем эти семь лет отнюдь не являлись кризисными для мировой экономики, что могло бы частично оправдать нашу депрессию. Мировая экономика в целом устойчиво рас-

⁶⁾ До марта 2015 года производителям сельхозтехники субсидировалось 15 % затрат, а с марта — 25 % и по ряду регионов — 30 %. На это в 2016 году было выделено порядка 10 млрд руб.

тет уже седьмой год. Средний темп прироста валового продукта в мире в 2010–2015 годах — 3,8 % в год, ВВП США — 2,1 %, ВВП стран ЕС — 1 % ⁷⁾ [5]. В Китае темпы роста 6,9–7,7 % в год [6]. После кризиса мировой экономики в 2008–2009 годах рост в Китае несколько снизился с уровня 9,9–10 %, но это, тем не менее, мощный рост уже самой мощной в мире державы, если считать по паритету покупательной способности валюты.

Чтобы разорвать порочный круг, возникающий в период кризиса, когда снижение доходов снижает спрос и вслед за ним падает производство, вызывая следующий цикл падения доходов, государство должно отказаться от либеральных мантр и начать активно инвестировать в развитие инфраструктуры, науки, образования, поддерживать перспективные отрасли, сделать кредит доступным для бизнеса, помочь перекавалификации и созданию новых мест работы, индексировать пенсии, стипендии. Не на словах, а на деле, прежде всего финансами поддерживать отечественную науку. И с инфляцией надо бороться не повышением до небес ставок за кредиты, а поддержкой экономического роста, который и позволяет в итоге снизить инфляцию ⁸⁾.

Возникает вопрос — почему в стране нет политики, направленной на рост, а есть лишь слова о ней. Разумеется, не потому, что у нас не знают о рекомендациях экономической науки. Правда, и сегодня все еще можно «на экономическом поле» найти рекомендации в духе «Вашингтонского консенсуса»: денег промышленности

не давать, бюджетные расходы урезать, открыть свою экономику полностью для продукции других стран, валютный курс не регулировать и т. п., чего сами развитые никогда не делали и не будут, но другим — советовали. Но истинная причина такой странной экономической политики и вызванной этим нашей стагнации, на наш взгляд, в том, что у нас торжествуют интересы сырьевых монополий и экспортеров сырья. Им не нужна диверсификация экономики, им не нужно перераспределение доходов от нефти и газа (их доходов!) в другие отрасли, им не нужно опережающее развитие образования и науки.

Если обратиться к прогнозам Правительства, то, судя по апрельским (2016 г.) публикациям, оно рассчитывало на рост порядка 1–2 % в год в 2017 году [7]. А в октябре снизило свой прогноз до макроскопических 0,2 % [8]. На самом деле, если рост и будет, то примерно такого мизерного порядка. Просто потому, что для роста нужны инвестиции, а они пока сокращаются, что сказано выше. Если цены на нефть поднимутся до 60 долларов за баррель (страны ОПЕК находятся в процессе выработки соглашения об ограничении добычи нефти [9]), можно ожидать роста инвестиций и некоторого роста экономики, так как при существующей экономической политике рост в России действительно зависит от цен на нефть.

Минэкономики сделало свой прогноз на 20 лет, и он целиком зависит от цен на нефть [10]. Если цены на нефть поднимутся до 78 долл./баррель лишь к 2035 году, тогда нас ожидает, согласно этому прогнозу, очень медленный рост (в среднем) и восстановление доходов населения лишь к 2035 году. Если рост цен будет более быстрым — то и рост будет более быстрым. А если медленнее — то наоборот, роста может и не быть вовсе [11]. Вот эта идея — не изменять свою экономическую стратегию, ориентируясь на наиболее успешные образцы и рекомендации науки, а ждать у моря погоды — и есть самое плохое в су-

⁷⁾ Разумеется, ВВП страны характеризует не только реальный сектор, в нем — немалая доля финансовых услуг и иных отраслей, которые к реальному сектору отношения не имеют.

⁸⁾ Подробно мы рассматривали эти меры, например, в статье *Эпштейн Д.* Какая экономическая политика решает проблемы сельского хозяйства? // Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 2. С. 23–29.

<http://elibrary.ru/item.asp?id=23108897>

шествующей ситуации. Она чревата взрывом народного возмущения.

Что же необходимо для перехода от политика падения, которая проводится, по сути дела, с 1992 года, к экономической стратегии, способной обеспечить реальный экономический рост?!

В связи с ограниченным размером статьи большинство позиций стратегии перехода к росту мы просто перечислим, остановившись лишь на наиболее существенных, выделив некоторые группы мер.

I. Политические меры:

- 1) необходим принципиальный отказ от праволиберальной парадигмы, от идеи, что действия государства в экономике — это «вмешательство», а вмешательство государства заведомо неэффективно, что якобы государство неэффективно и как предприниматель, и как собственник; все это многократно опровергнуто и реальным опытом экономического развития, и в теории;
- 2) отказ от праволиберальной парадигмы должен выражаться в демонстративно объявленном переходе от преимущественно праволиберальной экономической политики, делающей упор лишь на совершенствовании институтов, то есть «правил игры», к активной социально-ориентированной политике экономического роста в интересах всех классов и слоев общества, к политике развития на новой технологической базе; демонстративность этого отказа должна означать замену ключевых фигур правительства, сторонников праволиберального «невмешательства» на активных и известных обществу, высококвалифицированных и авторитетных сторонников альтернативной линии — на сторонников и стратегов новой индустриализации;
- 3) должна быть усилена социальная и антикоррупционная составляющие экономической политики, в том

числе путем введения прогрессивного налогообложения, принятия законов о конфискации имущества чиновников и госслужащих, размер и происхождение которого не соответствуют декларируемым доходам, реальной деофшоризации экономики.

II. Финансовые и антиинфляционные меры:

- 1) необходим отказ от нерегулируемого изменения курса рубля и переход к удержанию курса рубля на относительно низком уровне, даже и в случае повышения цен на нефть и другие экспортируемые ресурсы, на уровне, гарантирующем высокую конкурентоспособность отечественной экономики как добывающего, так и обрабатывающего сектора, а также сельского хозяйства; этот элемент экономической политики гарантированно создает благоприятные фоновые условия для повышения и сохранения конкурентоспособности уже существующих отраслей отечественной экономики и поэтому играет ключевую роль, на чем мы остановимся подробнее после перечисления других мер;
- 2) аккумуляция сырьевой ренты в руках государства в существенно больших объемах, чем в настоящее время, в том числе за счет повышения налогообложения сырьевых отраслей;
- 3) государственный контроль и полная прозрачность издержек и цен в сырьевом секторе, регулирование цен на нефть, газ, основные виды горючего и топлива, а также на продукцию отраслей — естественных монополий по принципу издержки плюс минимально-необходимая прибыль.

III. Меры инновационной политики:

- 1) создание Государственного комитета по науке и инновациям как единого органа для организации инновационного процесса, то есть посте-

пенного перехода к трансферу преимущественно отечественных инноваций на основе взаимодействия государства, бизнеса, имеющих и вновь создаваемых звеньев инновационной инфраструктуры, прикладной и фундаментальной науки;

- 2) переход от политики «экономии на науке» и ее «реструктуризации», «оптимизации» и т. п. к повышению престижа фундаментальной науки и ее работоспособности с помощью резкого увеличения заработной платы в ней и к таким объемам финансирования фундаментальной и прикладной науки, которые создают условия для быстрого сокращения отставания от стран-конкурентов в сфере создания научных заделов для инноваций, то есть в объемах примерно в два раза опережающих средний уровень финансирования науки в ОБСЕ (1,8 % ВВП в ОЭСР, в то время как в России до 2015 г. было 1,1 %) ⁹⁾.

IV. Меры структурной политики:

- 1) использование государственных капиталовложений и государственных субсидий и льгот для обеспечения опережающего роста капиталовложений в высокотехнологичные секторы, где мы имеем шансы обгонять конкурентов, не догоняя, например,
 - производство медицинского оборудования на новых принципах,
 - производство новых материалов,
 - освоение космоса,
 - развитие образования и науки,
 - развитие медицины и др.;
- 2) одним из приоритетов государственной политики обязательно должно стать универсальное машиностроение, производящее станки, роботизированные и автоматизированные комплексы, их электронную

базу, а также программное обеспечение, используемые для производства машинного оборудования в специализированных отраслях; именно эта сфера является ключевой для реального повышения производительности труда на отечественной машинной базе.

Понятно, что развитие экономики в указанном направлении невозможно без серьезного бюджетного планирования, ставящего конкретные цели в пространстве и во времени и подразумевающего выделение общественных средств для их достижения. По отношению к большинству предприятий указанных выше отраслей государственной формы собственности государственное планирование должно будет носить директивный характер. По отношению к другим отраслям, и в особенности к частным предприятиям, оно может носить индикативный характер желательных целей и подразумевать систему бюджетного субсидирования. По отношению к предприятиям, участвующим в реализации комплексных инвестиционных проектов на основе государственно-частного партнерства, план должен предшествовать заключению прямых договорных отношений с предпринимателями — исполнителями с обоюдными обязательствами. Имеются в виду конкретные планы финансирования со стороны государства и конкретные обязательства по вводу объектов и по производству — со стороны бизнеса. Подробно вопросы воссоздания системы институтов селективного планирования рассмотрены, в частности, в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова (см. [13, 14]).

Выше мы показали, что продолжающееся снижение темпов роста, а с 2014 года и падение производства, — это не случайное явление и не только результат падения цены на нефть или даже экономических санкций — это результат длительного процесса, на который, по сути дела, наше руководство обращало мало внимания. Остановимся

⁹⁾ Альтернативная Концепция реформирования фундаментальной науки, утвержденная в 2014 году Конгрессом работников образования, науки и культуры, изложена в работе: [15].

на макроэкономических и структурных причинах этого падения. Основную негативную роль играл избыток сырьевого экспорта, который приводил к избытку долларов и экономически неоправданному их удешевлению. Это не беспокоило руководство, видимо, потому, что немного помогало снижать инфляцию. Доллар стоил в начале 2000 года около 30 руб. и продержался примерно на этом уровне до 2013 года, хотя в России была очень высокая инфляция, в разы превосходящая рост цен в большинстве стран-конкурентов. Что это значит? Что российские товары дорожали ежегодно на 10–15 % (такова была инфляция), а цены на импортные товары оставались почти на том же уровне, снижались или росли в цене не более 1–3 % в год. Поэтому они вполне успешно теснили на рынках, выдавливали с рынков товары российского производства во многих отраслях. В 2000 году наш импорт был 45 млрд долл., в 2005 уже 125 млрд долл., а в 2013 году уже около 350 млрд долл. В основном этот 8-кратный рост импорта означал вытеснение наших производителей. В результате рентабельность производства из года в год снижалась. Если в 2005 году она составляла (по всей экономике) 13,5 %, то в 2012 году — уже лишь 8,6 %, а в 2013–2014 годах — около 7 %. А если учесть более высокую рентабельность ресурсодобывающих отраслей, а она в три раза выше средней, то рентабельность оставшейся части реальной экономики будет почти нулевой.

Лишь в 2014 году, когда падение нашей экономики и цен на нефть стало явным, курс доллара стал быстро расти. Это, естественно, усилило инфляцию. И в «роковую ночь» на 16 декабря 2014 года Центробанк, не умея иначе регулировать валютный курс и, видимо, не желая его реально регулировать, поднял ключевую ставку до 17 %, что одновременно повысило реальную стоимость кредитов до 25 % в год и более. По экономике России был нанесен удар

такой силы, что оправиться от него она не может уже два года.

Центробанк объясняет этот шаг тем, что в его задачи входит таргетирование (в данном случае, снижение) инфляции. Тот факт, что такое «таргетирование» выстрелило (target по-английски означает, как известно, цель) по росту экономики, не принимается во внимание. На самом же деле надо было, с одной стороны, обеспечить контролируемый рост валютного курса, например, введя частичный контроль за соответствующими операциями на валютном рынке, а, с другой стороны, снизить стоимость кредитов для частных банков под реальные проекты инвестиций хотя бы до 4–5 %, как это делают в период кризиса центробанки развитых стран, осуществляя так называемые программы «количественного смягчения». Это не повысило бы, а понизило инфляцию, так как реальные вложения в реальное производство привели бы к его росту и тем самым к росту предложения товаров.

Пугаться скачка в цене доллара было неверно, так как именно это резко повысило конкурентоспособность нашей продукции, хотя и ценой роста инфляции. Механизм повышения конкурентоспособности таков: импорт из-за удорожания доллара дорожает, цены на российские товары тоже начинают расти, но все же не так быстро, а зарплата не растет или растет намного медленнее роста цен. Спрос на импорт падает, растет спрос на российские товары. В результате быстро начинает расти прибыль российских производителей, появляется существенная «подушка рентабельности», которая позволяет вкладывать в производство и стимулирует вложения. И оно начинает расти, хотя дифференциация финансового состояния предприятий при этом остается высокой. Именно таким был механизм роста с 1998 года, когда, после скачка цены доллара в 4 раза, начался быстрый рост российской экономики. Этот подъем несколько выправил положение

после неадекватных институциональных реформ (см. [9]). Только власти, видимо, не поняли тогда, почему. А рост цен на нефть, а также расширение вертикальной интеграции существенно помогли тогда нашему росту¹⁰⁾.

Статистические данные целиком подтверждают наши утверждения об опережающем росте прибыли: за 2015 год прибыль организаций и предприятий выросла по отношению к 2014 году на 72,6 %, в сельском хозяйстве — на 60 %, а в обрабатывающей промышленности — на 62,2 % и даже в добывающей промышленности, несмотря на снижение цен на нефть, — на 15,4 % (см. [12, с. 557]).

Эти условия сработали бы в плюс, дали бы толчок росту экономики, если бы деньги (кредиты) были доступны производителям не за 25 % годовых, а в 5–6 раз дешевле.

Конечно, девальвация повышала инфляцию и временно снижала покупательную способность населения. Она вела также к резкому удорожанию импортируемых средств производства. Но это, во-первых, объективно вынужденная плата за многолетнее неприятие необходимых мер в экономике. И, во-вторых, это шанс для развития отечественного производства сырья, материалов, оборудования.

Но не только Центробанк внес свой вклад в снижение производства. Позитивное действие девальвации рубля было заторможено и в итоге торпедировано из-за отсутствия адекватных действий правительства. Оно не помогло бизнесу продолжить или завершить уже начатые проекты переоборудования предприятий на базе импортного оборудования. К сожалению, прави-

тельство не решилось на существенное субсидирование проектов импортозамещения. Сократились по указанным выше причинам и инвестиции частных компаний. В сумме вложения в основной капитал сократились в стране за 2015 год на 8,4 %, при том что уже в 2014 году они сократились на 1,5 % (см. [12, с. 579]).

Для обеспечения роста борьба со спекулянтами на валютном рынке не должна превращаться в борьбу с собственной экономикой, то есть, стремясь ограничить доступ спекулянтов на валютный рынок, нельзя существенно увеличивать процентную ставку, поскольку это оказывает резко тормозящее действие на всю экономику и не только не уменьшает, а, наоборот, разгоняет инфляцию. Дело в том, что, не имея доступа к краткосрочным кредитам, предприятия будут вынуждены поднимать цены.

Для борьбы с валютной спекуляцией целесообразно найти нестандартные способы, например, продажу валюты лишь тем покупателям, кому она нужна для оплаты реальных закупок по импорту, подтверждаемых контрактами, или для погашения долгов. А добившись таким путем стабилизации валютного курса, необходимо создать условия для резкого удешевления кредитов под проекты увеличения производства, вплоть до использования эмиссионного финансирования отраслей и предприятий, дающих достаточно быструю и надежную отдачу. Разумеется, все это возможно лишь при отказе от правополиберального курса и переходе к активной социально-ориентированной экономической политике, нацеленной на инновационный рост нашей экономики.

¹⁰⁾ Влияние вертикальной интеграции в АПК проявилось в образовании агрохолдингов, которые позволили сделать существенный шаг в развитии сельского хозяйства от хозяйств потребительского типа к крупным, высокотоварным хозяйствам [10, 11].

Литература

1. Информация о социально-экономическом положении России. Январь–сентябрь 2016 года. Роскомстат. 2016.
2. Глазьев С. Ю. Доклад «О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития». <http://www.glazev.ru/upload/iblock/797/79731df31c8d8e5ca59f491ec43d5191.pdf>
3. Волчкова Н. Страсти по стратегии. РАН предлагает свое видение научно-технологического развития страны. Поиск (poisknews.ru), 26/02/2016. <http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/17781/>
4. Рязанов В. Т. Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка // Экономист. № 8. 2016. С. 3–23.
5. World economic outlook: too slow for too long. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/pdf/text.pdf.%20Annex.%20Tables%20A1>
6. Акаев А., Коротаев А. Шестой большой цикл Кондратьева в развитии мировой экономики вступает в силу. <http://polit.ru/article/2016/06/14/kondratiev/>
7. Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. Минэкономразвития России. М., 2016. <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/20160506>.
8. МЭР не ждет конца инвестиционной паузы до 2019 года. <http://www.vestifinance.ru/articles/76463>
9. Россия и страны ОПЕК договорились о заморозке добычи нефти. <http://polit.ru/news/2016/11/01/opec/>
10. Минэкономики России прогнозирует 20 лет экономического спада. <https://news.mail.ru/economics/27507846/?frommail=1>
11. Минэкономразвития собирается искать «дно» еще 20 лет. «Комсомольская правда», 2016.10.21. <http://www.kp.ru/daily/26597.4/3612856/delyagin.ru/articles/97913-minyekonomrazvitiya-sobiraetsya-iskat-dno-eshche-20-let.html>
12. Российский статистический ежегодник. 2016. М.: Росстатиздат, 2016.
13. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // Вопросы политэкономии. 2016. № 1. С. 21–43.
14. Бузгалин А., Колганов А. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 63–80.
15. Бузгалин А. В., Миронов А. С., Эпштейн Д. Б. О ситуации в российской науке // Свободная мысль. № 4. 2015. С. 140–163.